

К языковедческим изысканиям президента Академии наук уже современники относились как к достойным насмешки дилетантским увлечениям. Энергичные, несмотря на почтенный возраст, действия Шишкова по закрытию РБО и пресечению русского перевода снискали ему в общественных кругах, в том числе и церковных, разве что славу «самодура»⁴¹. Однако, когда с назначением на пост министра народного просвещения у адмирала появились возможности к широкому утверждению своих теорий в общественном сознании, главному идеологу «партии сторонников обратного хода» (выражение свт. Московского Филарета) удалось добиться того, что его взгляды на славянскую Библию и русский перевод вышли на уровень государственной религиозной политики, в значительной степени определив тридцатилетний запрет на всякую переводческую деятельность в этой области. Так, сложившееся сочетание частных амбиций, страха, консерватизма и некоторых «научных» воззрений сформировали официальное неприятие русского перевода Свящ. Писания в Российском государстве в последние годы царствования Александра I и на всем протяжении правления Николая I.

История с первым русским переводом Библии в высшей степени показательна и как характеризующая положение Церкви в Российской империи в это время. Она наглядно демонстрирует стагнацию воли, отсутствие собственной позиции Церкви даже по такому важнейшему для религиозного учительства вопросу как перевод Свящ. Писания на доступный язык. Действительно, начинание перевода принадлежит решению Государя, ему безропотно следует Св. Синод. Но как только из-за глубокого душевного кризиса Александра I в официальной позиции светской власти в отношении перевода наступает изменение под напором известных лиц, этому повороту на 180 градусов следует и церковная власть в лице ее номинального председателя. Все эти метания легко объясняемы с позиций политики и психологии, однако, за подобной конъюнктурой теряется важнейшее предназначение Церкви быть свидетельницей и носительницей Слова Божьего. Тем не менее, позицию, направленную на прекращение деятельности Библейского общества и остановку работ по русскому переводу, менее всего можно охарактеризовать как общецерковную. Определенно ее противником был свт. Филарет (Дроздов), принципиальный поборник русского перевода. Среди церковной иерархии он был далеко не одинок. В конечном итоге свт. Филарет с кругом своих единомышленников и подготовил почву к тому, чтобы начинание первой половины XIX века нашло свое логическое завершение в Синодальном переводе. Именно в данной широкой перспективе и нужно искать свидетельство собственного голоса Церкви в этом непростом, захватившем практически все столетие деле.

*Витковский В. Е.
(РГГУ, Москва)*

«АНТИЧНЫЕ» ЦИТАТЫ В НОВОМ ЗАВЕТЕ

Цитирование текстов классической греческой литературы в книгах Нового Завета никогда специально не изучалось, хотя уже Клименту Александрийскому и другим учителям древней Церкви было известно несколько случаев такого цитирования.

⁴¹ Корсунский И. Филарет, митрополит Московский... С. 56.

Использование текстов «языческой» (политеистической) традиции мы можем наблюдать как в иудео-эллинистической литературе III в. до Р. Х. – I в. по Р. Х. (в произведениях Аристобула, Филона, Иосифа Флавия и др.), так и у христианских писателей первых веков (апологетов, Климента, Оригена). На этом фоне, очевидно, и должны рассматриваться те немногочисленные случаи цитирования, с которыми встречаемся мы в Новом Завете, находящемся как раз на хронологическом и содержательном рубеже между литературами античного иудаизма и раннего христианства.

Более или менее точные цитаты в новозаветных текстах могут быть постулированы в трех случаях: во-первых, если в тексте есть прямая отсылка, свидетельствующая о том, что приводится цитата (хотя бы и без точного указания источника); во-вторых, если имеется свидетельство какого-либо позднейшего автора; в-третьих, если в прозаическом, разумеется, новозаветном тексте встречается чужеродный метрический текст (хотя бы небольшой, но обладающий содержательной законченностью), т. е. речь идет о цитировании какого-то греческого стихотворного произведения.

Проведенное исследование показало, что центральной фигурой новозаветного «античного» цитирования должен быть признан апостол Павел. Почти все обнаруженные цитаты (точнее, все, кроме одной) делятся на две группы: 1) вложены в уста Павла автором Книги Деяний; 2) содержатся в Посланиях самого апостола.

Рассмотрим последовательно все места, где содержатся определенные или предполагаемые цитаты из «языческих» авторов, попытаемся связать их друг с другом и дать общую оценку интересующего нас феномена.

Общепризнано, что в речи апостола Павла перед афинянами (Деян. 17:22–31) содержится по меньшей мере одна «античная» цитата. В Деян. 17,28 апостол говорит: *Ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «мы Его и род».*

Слова «мы Его и род» взяты из астрономической поэмы Арата из города Солы (III в. до Р.Х.) «Phainomena» («Небесные явления») – это начало ст. 5. Полностью начало этой поэмы цитировалось уже в иудео-эллинистической литературе, а именно александрийским толкователем Закона Аристулом (упомянутым во Второй Книге Маккавейской – 2 Макк. 1:10):

Начнем с Бога, которого люди никогда не оставляют
Без упоминания, ибо наполнены Богом все улицы
И все площади у людей, наполнено и море
И гавани, ведь повсюду мы пользуемся Богом.
Ибо мы и его порождение: Он, по доброте, людям
Указывает благоприятное и поднимает народы на дела,
Помня об (их) жизни: Он говорит, когда наилучшая земля
Для коров и для мотыг, говорит, когда наилучшие времена
И для окапывания растений, и для рассеивания всех семян.

У Арата во всех трех случаях стоит не «Бог», а «Зевс», замена принадлежит Аристулу. Приведа эти строки в таком виде, он дает следующее разъяснение:

«Полагаю, что (здесь) ясно показано, что во всем присутствует сила Бога. Мы, впрочем, придали (стихам) должный смысл, заменив (названное в них имя) Зевса. Ведь по смыслу они относятся к Богу, оттого у нас так и сказано. Таким образом, мы привели эти (строки) в полном согласии с исследуемым предметом. Ибо все фи-

лософы признают, что следует иметь о Боге благочестивые понятия, к чему призывает в особенности наше учение. Ведь все устройство нашего Закона основывается на благочестии, справедливости и воздержании и прочих истинно благих (вещах)».

Апостол Павел говорит в Афинской речи, разумеется, также о Боге и смысл цитируемых слов Арата изменяется им точно таким же образом, как мы видим это у Аристобула.

Сходство этим, однако, не исчерпывается. У Аристобула рядом со строками Арата помещен обширный фрагмент, приписанный древнему легендарному поэту Орфею. Этот фрагмент, однако, подложный – он явно принадлежит к полемической литературе, характерной для античного иудаизма. Похоже, что и у Павла рядом с цитатой из Арата находятся слова, приписанные подобному легендарному персонажу. Это Эпименид, о котором, как и о Павле, рассказывали (как сообщает Диоген Лаэртский, 1.110–111), что он явился в Афины (ср. Деян. 17:15), встал на Ареопаге (17:19) и установил должное богопочитание (17:22–31), а затем покинул Афины (17:33 – 18:1). Именно с этим явлением Эпименида связывается в традиции появление в Афинах алтарей с надписью «agnosto theo» – «неведомому богу» (17:23).

Эпименид упоминается (не будучи назван прямо по имени) и цитируется также в Послании Павла к Титу (1:12):

«Из них же самих один стихотворец сказал: „Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые“». Прочитанная строка – точно соблюденный гексаметр.

Автор IX в. Ишодад из Мерва свидетельствует, что слова Павла «мы Им живем и движемся и существуем» из того же стиха Деян. 17:28 являются цитатой, причем оттуда же, откуда и цитата в Тит 1:12. По Ишодаду, весь фрагмент в целом выглядит так:

О святой и великий, тебе сотворили могилу
Критяне – вечно лжецы, звери дикие, праздное брюхо;
Не умирал никогда ты – живешь и вовеки пребудешь,
Ибо в тебе наша жизнь, бытие наше всё и движенье.

Скорее всего, никаких поэм сам Эпименид не писал (неизвестно, существовали ли он вообще), но могли бытовать произведения, приписанные ему, в том числе и такого рода, как упомянутая иудейская поэма псевдо-Орфея.

Заметим также, что гексаметром могла быть первоначально и строка Деян 17:25, содержащая «триаду», подобную той, которую мы видим в 17:28:

«Сам давая всему жизнь и дыхание и всё».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что и в Афинской речи, и в Послании к Титу цитаты употребляются в сходных контекстах – в обоих случаях апостол осуждает некоторые существенные заблуждения, связанные с богопочитанием. В одном случае речь идет об идолопоклонстве, в другом – об уклонении христиан в иудаизм. Это могло бы показаться случайностью, если бы та же черта не обнаруживалась и в других новозаветных контекстах, где мы можем как минимум предполагать «античные» цитаты.

Первый такой случай – в Первом Послании к Коринфянам (1 Кор 15:33): *Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы.*

Цитированная строка принадлежит, очевидно, Еврипиду, написана классическим ямбом и может быть точнее переведена как «Дурное общение портит добрые нравы».

А вот другое место, где использована та же самая вводная формула (по-гречески μη πλαναστήε), – Гал. 6:7: *Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает.*

Более точный перевод здесь: «Бога нельзя обмануть», «Бога не проведешь». Эти слова представляют собой вторую часть ямбической строки.

Сюда же следует присоединить ту единственную цитату (из неизвестного автора), которая не связана с апостолом Павлом, – Иак. 1:16–17: *Не обманывайтесь, братия мои возлюбленные. Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный (нисходит свыше, от Отца светов).*

Цитата является гексаметрической строкой; заключенные в скобки слова могут быть второй строкой, но порядок слов должен быть другим. Возможно, цитата – лишь первая строка, и она имела смысл самостоятельного утверждения: «Всякое даяние (есть нечто) доброе, и всякий дар совершенен».

Во всех трех случаях употребление выражения «не обманывайтесь» связано с общим контекстом. Речь идет вновь о неких существенных заблуждениях религиозного характера: неверии в воскресение мертвых (1 Кор.), угождении плоти (Гал.), обвинении Бога в «искушении» (Иак.).

И вновь напрашивается параллель с иудео-эллинистическими текстами, в особенности с подложным фрагментом, приписываемым одному из греческих комедиографов (Филемону или Дифилу):

О Никострат, ты думаешь, что земля скрывает умерших,
Получивших всяческую роскошь при жизни,
Так что они навсегда
Убежали и спрятались от Божества?
Есть око Справедливости, которое всё видит!
Ибо если праведник и нечестивец получают одно (и то же),
То иди и грабь, воруи, разбойничай, приводи в смятение...
Не заблуждайся: есть и в Аиде суд,
Который совершит Бог, Владыка всего,
Страшное имя Которого я не стал бы называть.

Подведем итоги. Конечно, невозможно утверждать, что автор Книги Деяний апостольских передавал слова апостола Павла слово в слово. Но едва ли верны утверждения, будто Лука изображал Павла «не таким», каким он был в действительности. В Деяниях, как и в Евангелии, Лука стремился к литературной стилизации, но не к искажениям, и речь Павла в Афинах вполне соответствует и той ситуации, в которой она должна была произноситься, и стилю проповеди апостола язычников. Подтверждением тому служит то, как использует Павел цитату в собственных посланиях. Он всякий раз обращается к аудитории, уже отошедшей от язычества, но как бы еще не вполне, еще готовой сделать шаги вспять. От этих шагов и предостерегает Павел (и, как видно по тексту Иак. 1:16–17, это было в обычае не только у него), словно напоминая прежним язычникам о тех временах, когда их нравственным ориентиром были морализаторские высказывания трагиков и комедиографов. Что же касается Афинской речи, здесь перед Павлом аудитория еще всецело языческая, к которой тем более имеет смысл обращаться, используя как испытанные средства иудейской проповеди монотеизма, так и «языческие» цитаты, которые, впрочем, в самой этой проповеди использовались уже во II в. до Р. Х.